

С первых же ролей в кино за ней закрепился образ Прекрасной дамы, женщины-мечты. Она сыграла Асоль в «Алых парусах» и Офелию в «Гамлете», Гуттере в «Человеке-амфибии» и Мону в «Безымянной звезде». А как великолепно она была в роли Лизы Болконской в «Войне и мире» и Китти в «Анне Карениной». Еще учась в Щукинском театральном училище, Анастасия Вертинская начала играть в спектаклях театра «Современник». А десятью годами позже – во МХАТе. Однако долгое время, по признанию Анастасии, ее воспринимали либо как дочь полузапретного, но популярного русского шансонье Александра Вертинского, либо просто как красивую женщину. Ей же хотелось доказать, что она – прежде всего актриса! А потом вдруг Анастасия Вертинская поразила всех своим уходом из театра, отказами от киноролей, создала благотворительный актерский фонд и увлеклась преподаванием. Что же случилось?

Анастасия ВЕРТИНСКАЯ:

«Не хочу ничего доказывать...»

– Ничего не случилось. Просто я устала ждать, когда наконец появятся интересные роли. К тому же однажды поняла, что больше не хочу никому ничего доказывать. А хочу только одного – быть дочерью Вертинского. И, значит, должна наконец сделать то, что долгие годы откладывала на потом...

– И вы написали пьесу об отце, поставили по ней спектакль «Мираж, или Странствия русского Пьеро», сыграв в нем роль своего отца, – это во-первых. И всерьез занимаетесь творческим наследием Александра Вертинского?

– Раньше я мечтала: вот когда разбогатею, разыщу клад или получу наследство – найду хорошую фирму, которая сможет реставрировать папины песни. Ведь после того, как в конце 1943 года ему разрешили вернуться в Россию, он очень много гастролировал, в том числе и с благотворительными концертами, причем по велению сердца. А вот записываться ему не разрешили. И все, что сохранилось сегодня из «советского периода творчества», – только любительские записи с концертов. И плюс то, что ранее было выпущено студией «Коламбия» и рядом английских фирм. Но тут вдруг случилась оказия: французская фирма «Ле Шан Дюмонд» и «Русский сезон» за свой счет взяли на реставрацию этих любительских фонограмм да еще и нам, как наследникам, кое-что заплатили. И вот теперь голос отца звучит очищенно, безо всяких шумов, как если бы он записывался в профессиональной студии. Кстати, вот-вот выйдет компакт-диск с этими песнями.

– Я где-то читала, что у вашего отца было четыре странности: он не любил смотреть кино, слушать радио, ждать поезда и давать интервью... Что касается первой странности, вы вот стали актрисой. Интересно, будь сейчас жив Александр Николаевич, смотрел бы он фильмы с вашим участием?

– Нет, кино отец любил, а вот телевизор страшно не любил смотреть. Его раздражал этот идеологический ящик в собственном доме. Тем не менее, он вынужден был купить этот ящик даже на дачу, чтобы мы с сестрой Машей не убежали из дома, не гоняли до ночи на велосипедах по темному поселку и чтобы бабушка не кричала, разыскивая нас на улице, как в дремучем лесу. Да, кино он как раз любил, да ведь и сам немало снимался, а в молодости его связывала дружба с Иваном Мозу-хиным и Верой Холодной... Но вот чтобы мы стали актрисами, он не хотел. Папа ведь хорошо знал цену этого хлеба и всегда говорил, что

средним инженером быть не стыдно, стыдно быть артистом среднего уровня.

– И все же вы стали актрисой... Говорят, красивой актрисе совсем не обязательно быть умной...

– Это красивой женщине не обязательно быть умной. А актрисе... Конечно, бывает вполне достаточно, если у актрисы есть какой-то особый талант, а талант ведь не всегда означает ум. Много было представителей нашей профессии (не будем называть их имена), которые, кроме телефонной книги, больше ничего в жизни не читали. А как играли!

– Я слышала, что вы всерьез увлеклись преподаванием. А вот Ирина Скобцева недавно сказала в своем интервью, что они с Сергеем Бондарчуком годы преподавания во ВГИКе считали потраченными впустую...

– А знаете почему? Потому что наши студенты во время занятий смотрят на часы, а западные смотрят

не почти ничего не изучают, кроме нашего родного реалистического театрального искусства. В Европе же учеба – серьезный процесс и актеры (уже достаточно зрелые) переходят из школы в школу, чтобы попробовать как можно больше направлений в театральном искусстве. Да и я сама с удовольствием позанималась бы в классе итальянской системы импровизации комедии дель арте.

– Похоже, вы очень много внимания и времени уделяете творческо-деловой части своей жизни. А что же семья?

– Семья... Похоже, что мне не дано в такой же полноте познать радости семейной жизни. Это ведь аскез (серьезное жертвоприношение) – семейная жизнь, который надо добровольно на себя взвалить. Я выросла в семье, где отец обожал дом, любил мою мать, нас – своих дочерей, но почти не жил дома, потому что без конца гастролировал. Его приезды были радостью для семьи, и в эти короткие интервалы, когда он

был, со своим домом и с семьей нужно, чтобы ее муж был режиссером?

– Есть такие известные тандемы: Орлова – Александров, Ладынина – Пырьев, Чурикова – Панфилов... Но вы знаете, ведь мой первый муж, Никита Михалков, тоже был режиссером. Хотя когда мы были женаты, он еще не заявил о себе всерьез как о режиссере. Но все равно я прекрасно понимала, что ни в одной роли у него не снимусь. Не потому, что я – плохая актриса или хорошая, а потому, что жена в его понимании – это тыл, дом, дети. Хотя, конечно, можно назвать целый ряд знаменитых союзов, как Вишневская – Ростропович или Плисецкая – Щедрин, где каждый живет своей отдельной и знаменитой жизнью.

Для семьи все-таки нужно выбирать партнера или партнершу, который хочет жить, дышать твоими интересами. Любое же столкновение индивидуальностей, личностей вызывает конфликт.

Если бы я знала, что моя страсть будет зарыта совершенно в другом, во всех моих нынешних интересах, я, может быть, раньше одумалась бы, поставила бы себе табу на замужестве и относилась бы к мужчине исключительно как к партнеру для сексуальной разрядки. Встретить же такого мужчину, который бы исчез хотя бы на время в тот момент, когда тебе пришла в голову мысль о том, что вот сейчас хорошо было бы остаться одной, мне, увы, не довелось.

– Где-то я читала, что единственной сильной любовью к мужчине вы считаете любовь к отцу. Кстати, аналогичное заявление сделала когда-то и Жаклин Кеннеди, признавшись, что во всех мужчинах, которые окружали ее, она искала образ и подобие своего отца...

– На самом деле я просто однажды поняла, что сильнее всех мужчин любила своего папу. Но подобия его образа вряд ли искала. Вполне возможно, потому и не складывались мои взаимоотношения с мужчинами, что не было среди них того, кто бы испытывал ко мне еще и отеческие чувства, как, скажем, отец к моей маме. Она ведь была намного его моложе, и это сохраняло в браке некий баланс: у него был огромный опыт за плечами, и он очень грамотно вел ее по жизни.

И все же у папы остались старые, дореволюционные принципы, каноны нравственности и воспитания: у нас с сестрой были две бонны, традиционные семейные праздники, сказки Андерсена – абсолютно изолированный мир. Я тогда не очень вникала ни в школьные, ни в дворовые проблемы. Поэтому, когда папы не стало и в пятнадцать лет

я начала сниматься, волей-неволей пришлось столкнуться с жестокой реальностью, хотя я и продолжала мерить людей по тем идиллическим меркам. Кстати, до сих пор не предполагаю в людях зла или коварства и на первых порах принимаю все, что они говорят, за чистую монету. Только в результате длительного общения начинала потом понимать, что скрывалось за этими словами и поступками. Увы, на все эти ошибки ушли годы...

– У вас замечательная, уютная квартира!

– О да! Я вложила в нее много сил! И освоила много профессий, пока ломали здесь все стены и все переобустраивали по моему замыслу. Теперь здесь мое психологическое убежище, мой «замок из слоновой кости».

– Вы любите готовить?

– Это мое основное призвание, мой талант. Актриса – то я случайно. Кстати, храню тысячи всевозможных рецептов. Но мой стиль на кухне – импровизация, а не математическая точность. У меня сын – большой гурман. Так вот он меня все время уговаривает открыть свой фирменный ресторан...

– А сын какую носит фамилию?

– Сын носит фамилию Михалков. Он у нас уже давно заявил о себе как клипмейкер, одним из первых вместе с Федором Бондарчуком за-

нялся этим, создав фирму «Арт-пикчерс».

– Вам не страшно было растить его в одиночку?

– Страшно. Я понимала, что при своей безумной любви к нему могла избаловать парня и сделать из него черт-те что. Поэтому меня швыряло: то я была чрезмерно строга, то теряла всякую бдительность. А допускать этого с сыном нельзя было категорически, поэтому он быстро освоился, каким образом от меня можно чего-то добиться. И все же мне удалось его воспитать. В этом деле трудно давать рецепты, но мне кажется, главное – нельзя давить мужское начало ребенка, необходимо приучать его к большей самостоятельности и не слишком ругать за ошибки.

– Ну хорошо, с замужеством вы «завязали», а в дружбу между мужчиной и женщиной вы верите? Или придерживаетесь в этом отношении теории Фрейда?

– Я не принимаю Фрейда вообще. И так же, как и Набоков, считаю, что он много напутал в своей теории либидо. Думаю, что однажды эта теория будет опровергнута. А дружеские отношения я ценю выше всего – они самые крепкие и перспективные. Я всегда дружу с представителями мужского пола, если они умны. Должна заметить, что ум – это колоссальная редкость. Еще можно найти умную женщину, но умный мужчина – это что-то...

– Да? Вы что-то очень революционное говорите! Всегда считалось наоборот...

– Во всяком случае, я встречала больше умных женщин, чем мужчин. И речь идет не об объеме накопленных знаний и информации о событиях, а о том уме, который порожден знанием жизни. Ведь очень важно – обменяться с человеком своими размышлениями «по поводу». В этом отношении совершенно гениальны чеховские «Три сестры», где в финале предначертана формула существования русского интеллигента. Он никогда не будет знать ответа на вопрос: ради чего мы живем? Потрясающая формула, которая заставляет человека без конца открывать какие-то двери познания и стремиться к какой-то новой цели, чтобы узнать или не узнать ее окончательно. Я вообще ненавижу людей с квадратом мышления. Мне больше по душе люди, которые живут, может быть, мучительно, испытывая трудности, не реализовывая себя до конца, но все равно не теряют присутствия духа, веру в возможность самореализации и надежду.

Интервью вела
Татьяна СЕКРИДОВА.

Александр Вертинский с дочерьми Анастасией (справа) и Марианной

тебе в рот, ловят каждую фразу и каждый твой жест. Уже несколько лет вместе с Александром Калягиным я преподаю за границей. Сначала это был Оксфорд, куда мы приехали еще по советской системе обмена. Потом Франция – школа актеров при театре «Комеди Франсез» и европейская киношкола в Швейцарии. Теперь, вот уже третий сезон подряд, мы ведем в Нантере, под Парижем, семинар с молодыми актерами, обучая их и системе Станиславского, и русскому отношению к Чехову. Как раз в Европе я поняла, что преподавание – очень творческое занятие.

– На каком же языке вы преподаете?

– Нам помогают переводчики. Там к этому уже привыкли. Студенты ведь слушают курсы и у немцев, и у итальянцев. Это у нас в стра-

находился дома, все старались изменить и его жизнь, и свою, сделать ее сплошным праздником.

Мне кажется, что, если женщина организована более духовно, у нее есть какие-то более высокие запросы, так сразу ей становится невыносима ежедневность семейного бытия. К тому же как актриса я очень хорошо знаю, что такое власть сцены! Эта власть затягивает тебя полностью и в то же время питает всем необходимым. Она – потрясающая целительница от физических болезней и от душевных ран. Только там ты как личность и как человек находишь гармонию и успокоение.

– Быть может, правы те, кто считает, что женщине-актрисе для внутренней гармонии с со-